

Наталья Колесова

Сказки
Волчьего полуострова.
Король на площади

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 84.4

К60

Колесова Н.

К60 Сказки волчьего полуострова. Король на площади / Н. Колесова, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 302 с. — (Грани миров Натальи Колесовой).

На площади Риста встретились не похожая на своих «коллег» уличная художница и Человек С Птицей, веселый городской бродяга. За спиной у каждого немало воспоминаний и секретов: портреты, нарисованные Эммой, живут загадочной жизнью, а беспечный Кароль, по мнению художницы, — тайный королевский шпион. Ведь недаром его раз за разом пытаются убить ночные наемники, опальные колдуны, а потом и затеявшие переворот заговорщики. И Эмма волей-неволей тоже оказывается втянута в эти опасные игры, которые, как выясняется, имеют к ней самое прямое отношение...

BIC FM

BISAC FIC027030

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ХУДОЖНИЦА

ГЛАВА 1

В которой Человек С Птицей
рассказывает про улов

— И какой сегодня улов, Король? — спросила я.

Король, усевшийся рядом со мной, с показным кряхтением вытянул длинные ноги. В клетке рядом с ним возбужденно чирикала и прыгала по жердочкам серая невзрачная птичка, с которой Король не расставался. Я так и не смогла выяснить — какой Джок породы, но пел он будто кенар, а то и вовсе соловей.

Король вздохнул:

— Целый день проболтался, ноги гудят, а всего-то парочка жалоб — на нерадивого мужа да на судью-мздоимца...

— И впрямь, нет бы молодая вдовица опять подробненько рассказала про пристаивания соседа бесстыжего! — поддразнила я.

Король дернул бровью, блеснул под темными усами белозубой усмешкой.

— Хоть за людей порадоваться!

Я укоризненно качнула головой.

— А вдруг она женщина честная?

Король откровенно расхохотался:

— С такой-то грудью? Да с такой бля... таким блеском в глазах?

И этакой грудью она норовила к нему ненароком прижаться. Ну тому всегда можно найти объяснение — в базарный день на площади толчея, то пихнут, то голова от суеты закружится. А Король у нас мужчина видный...

Король точно прочел мои мысли, улыбнулся быстрой улыбкой — от прищуренных глаз морщинки лучами. Откачнулся назад, оперся на локти, рассматривая мой рисунок.

«У нас» — потому что за несколько месяцев, проведенных на площади, я начала относиться к ее обитателям как к разношерстным, разновозрастным, то ближним, то дальним, но соседям по дому. А соседей и родственников, как известно, не выбирают. С Королем же я познакомилась не так давно, хоть и слыхала о Человеке С Птицей, который выслушивает чужие горести и оттого они якобы уменьшаются... Бродячий исповедник? Или лекарь душ?

Ни на исповедника, ни на врача Король не тянул. Долговязый, заросший темной щетиной, взлохмаченный, одежда — добротная, но изрядно помятая и пыльная. Лишь клетка Джокса всегда оставалась чистой, прутья блестели на солнце, как полированное серебро.

Благодаря Джоксу мы и познакомились.

...Я подняла глаза, когда серая маленькая птица вспорхнула на мой этюдник. Наклонила голову, рассматривая меня то одним, то другим черным глазом. Нерешительно чирикнула. Прикормленная? Ручная? Я осторожно протянула палец — птичка тут же, словно того ожидала, перепорхнула на него, проворно пробралась по руке на плечо и принялась щипать меня за волосы и ухо. Я, посмеиваясь и жмурясь, осторожно отпихивала сверх меры общительную птицу, когда услышала свист и зычное:

— Фью! Джок! Джок! Фью! Где ты, койкас¹тебя побери!

Сквозь базарную толпу стремительно пробирався рослый мужчина. Птица неожиданно издала звучную и сложную трель. Мужчина остановился прямо передо мной, уперши кулаки в бока. В одной руке его была клетка.

¹ черт

— Вот ты где! — произнес, нисколько не понизив голос. Перевел синие глаза на меня, сказал раздраженно: — Отдай мою птицу!

Я с неприязнью покосилась на клетку.

— Птицелов?

— Хозяин, — отозвался незнакомец. И тут же доказал это, издав переливчатый сложный свист — ничуть не хуже своей птицы. Пернатый послушно вспорхнул ему на плечо, а потом и в распахнутую дверцу клетки. Наверное, в неволе было ему привычно и уютно. — Ну вот, — мужчина захлопнул дверку и довольно забарабанил пальцами по прутьям. Глядел на меня уже с любопытством. — Не видел тебя раньше, художница!

— Да и я тебя тоже, — отозвалась я.

— Что рисуешь?

Он обогнул этюдник, наклонился, разглядывая набросок. Я раздраженно отодвинулась, когда прядь его темных волос коснулась моей щеки.

— Ну да, давай еще размажь мне краски своим длинным носом!

— Не размажу, — серьезно пообещал он. Выпрямился и так же тщательно оглядел меня. В подробностях. Хотя что там рассматривать особо: светлые волосы узлом, веснушки на носу, глаза серые, губы неяркие, подбородок круглый; белая косынка поверх синей блузы, немаркая юбка да удобные башмаки...

— Хорошо! — заключил Человек С Птицей.

Я вздернула подбородок.

— Я хороша — или рисунок?

— Все хорошо! — твердо заявил он и ушел, пересвистываясь со своей птицей.

С того дня со мной перестала скандалить торговка рыбой: мол, я заняла ее место, хотя на полуразвалившемся крыльце до меня никто не сидел; мальчишка-булочник теперь подносил сдобу с пылу с жару, а ведь раньше его было не дозваться; а горшечник даже вылепил для моих красок маленькие плоски...

Раз Король одобрил меня, так тому и быть!

— Ты что, здесь главный? — допытывалась я. — Может, ты дань собираешь и потому решаешь, кому на площади быть, а кому нет?

Тот смеялся — он часто и охотно смеется.

— Конечно, главный, я же — Король!

Прозвали его так за сходство с королевским профилем, отекавшим на монетах: правда, у того нижняя губа побрезгливее, да нос попородистей. И прическа дивными локонами. Впрочем, если хоть часть рассказов о доблестных предках нынешнего короля Силвера правда, то минимум каждый десятый в Ристе должен походить на его величество. Да еще Кароль в подражание своему государю завел себе певчую птицу. Правда, он уверяет, что это, наоборот, Силвер у него собезьянничал...

— Да просто мое имя Кароль. А потом переименовали, а я и не противился!

— Гляди, услышат кличку стражники, греха не оберешься, — предостерегла я.

Кароль-Король насмешливо улыбнулся, соглашаясь:

— И да, и в тюрьму меня за оскорбление его королевского величества! Характер-то у него премерзкий!

Я промолчала. Мнения и в Ристе, и за пределами страны были противоречивыми, поговаривали о нраве королевском мрачном и вспыльчивом. А уж когда, не доехав в свадебном поезде даже до столицы, сбежала его невеста из сопредельного княжества, слухи просто полыхнули пожаром: ох, недаром девица сбежала, а то и вовсе утопилась (со скалы сбросилась, яду приняла)! Правда, были и те, что короля жалели — все больше сердобольные женщины, — поговаривали, что невеста сама была беспутная да вздорная, не иначе как с полюбовником сбежала, и на что нам, скажите, такая королева, а королю — супруга?

Только боги знают, как сам король принял известие о побеге нареченной, но в монастырь не ушел, войну Нордлэнду за неслыханное оскорбление не объявил — и то

сказать, несостоявшийся тесть, схватившись за голову, вместе с ним организовал честнейшие поиски, да только девица словно в воду канула... Может, и впрямь в воду? А нрав свой буйный король выразил лишь в том, что устраивал внезапные набеги-проверки на военные гарнизоны, на королевские заводы да на зажавшихся глав провинций. Так что стенали и роптали теперь военачальники да управляющие, а простой люд толковал, что не так уж вредно для него (народа) королевское безбрачие...

Король-Король появлялся непредсказуемо: то неделями отсутствовал, то чуть не каждое утро на площадь заглядывал; то на минутку, то целыми днями неподалеку со своей птицей пересвистывался. Хотя, конечно, больше с людьми разговаривал — всегда находил тот, кто хотел с ним поделиться наболевшим. А если не было такого, так Король выискивал собеседника сам.

А когда не находил, приходил смотреть, как я рисую.

Хотя народ во Фьянте куда темпераментнее и говорливее, чем здесь, в Ристе, но времена учебы в Школе уже давно миновали, и я успела отвыкнуть, что у меня за спиной толкутся, назойливо комментируют, да еще и подсказывают, какую «красочку» положить следующей.

Король не мешал. Иногда, увлекшись, я забывала о его присутствии, как и не замечала ухода. Когда же я отдыхала, рисуя портреты или заказные «картинки», мы разговаривали о том о сем, и это настолько вошло в привычку, что иногда мне даже не хватало нашей ленивой беззаботной болтовни.

Поначалу Король, как и остальные обитатели площади, пытался разузнать обо мне побольше. Я отмалчивалась и отшучивалась: мол, не столько у меня в жизни горестей, чтобы он тратил на них свое золотое время. Король отступился — но, кажется, лишь до поры.

Дама Грильда и не подозревала, что старый знакомец завернул провести ее не просто так. Но раз тот охотно и сочувственно выслушал перечисление и симптомы всех ее многочисленных хворостей, у Грильды улучшилось настроение, и она продолжила свою болтовню дальше. Дошла и до бедняжки-художницы, снявшей комнату наверху. Слишком молода для вдовства. Овдовела недавно, потому и слова не вытянешь про мужа-бедняжку. Только и сказала, что был он художником и слаб здоровьем. А она у него в помощницах была. Сразу видно, не из простых, ученая, чистоплотная, вежливая, тихая и платит в срок. Что еще требуется, правда?

Он подозревал, что Грильде требуется как раз большего: чтобы тихая вдовушка разговорилась наконец, поведала свою родословную до седьмого колена, да как она познакомилась с бедняжкой мужем, да сколько людей было на свадьбе и почему у них не было деток, как он умирал и как она, рыдая горько, шла за гробом... И искренне зауважал художницу: держаться так стойко под непрерывным натиском Грильды неделю за неделей, месяц за месяцем — для этого нужно иметь поистине железную волю! Вот почему она так умело и ловко ускользает от его вопросов!

Ему нравилось смотреть, как Эмма рисует. Его вообще привлекали люди, умеющие делать то, чего не умеет он сам, — пусть то дар богов или искусство, развитое годами усердной работы. А здесь нравилось и что художница делает и как она это делает. Как морщинка пролегает между строгих пепельных бровей, как Эмма закусывает нижнюю губу, как раз за разом убирает выбившуюся из тугого узла пушистую прядь, не замечая, что марает краской лицо...

А еще она напоминала ему птицу. Настороженную птицу, наблюдающую за тобой ясными светлыми глазами, готовую вспорхнуть от твоего неосторожного движения. Или неосторожного вопроса.

Но с птицами он умеет обращаться. И с певчими и с ловчими. И даже с дикими лесными. Сумеет приручить и эту.

Только не надо торопиться...

ГЛАВА 2

В которой обнаружено место монаршего отдохновения

— Как ты этого добиласть?!

Кароль был потрясен.

Он смотрел, как, сморкаясь, непрерывно ругаясь и сыпля междометиями, шел по площади старый моряк Джорджия. Старик то и дело спотыкался, потому что нес перед собой картину и не отрывал от нее мокрых глаз.

— Дак... что же это... койкас и присные его... оно... вот же оно... ах ты ж, проклятая ты баба!.. — доносилось до нас.

Я осторожно повела плечом, потом шеей. Когда Джорджия стиснул меня в объятиях, что-то во мне непорочно хрустнуло и никак не желало возвращаться на место. Я даже не могла как следует вздохнуть.

— Я просто написала для него картину.

— Угу. И из-за этого «старая соль»¹, пират и контрабандист, плачет, словно дитя! Что ты ему такого нарисовала?

— Ничего особенного. Ночь. Море. Корабль.

Я начала складывать кисти и краски. Все равно работать сегодня не смогу: картину я писала до самого рассвета. Король бросил взгляд на мои дрожащие руки — прекрасно, теперь он решит, что я по ночам глушу наливку своей почтенной хозяйки! Молча забрал у меня этюдник. Покушался и на сумку — тут уж я не отдала, никому не доверю драгоценные краски и кисти, стоившие мне целое состояние.

¹ Морской волк

Джок, ехавший в клетке на плече хозяина, беззаботно насвистывал, мы же шли молча. Чувствуя себя снулой, а то и подчистую выпотрошенной рыбой, я глядела под ноги, мечтая лишь побыстрее добраться домой... то есть до дома дамы Грильды. И потому не заметила, что мы свернули не туда.

— Сядь, — сказал Кароль.

Я подняла голову и удивилась:

— Где это мы?

Широкий парапет отгораживал от крутого обрыва небольшую, выложенную булыжником террасу с единственной каменной скамьей. Над ней нависали упругие ветви золотого дождя и пышные купы сирени... прекрасное цветовое сочетание, я даже прикинула, какие краски в какой пропорции смешать для получения такого эффекта. Подняв голову, обнаружила выше по склону террасы старого Королевского парка, обрезанные поверху серой дворцовой стеной. Проследив мой взгляд, Кароль улыбнулся.

— В моих садах, разумеется. Где еще монарху искать уединения и отдохновения? Присядь и ты.

— Послушай, Кароль, я очень устала и...

— Так отдохни. — Мягко надавив на плечи, он усадил меня на скамью. Со вздохом я подчинилась и обнаружила, что скамья удивительно удобная. Кароль поставил рядом со мной клетку со своим драгоценным Джоксом и нырнул в цветущие заросли.

— Кароль, но это не смешно!

— Сиди спокойно, никто сюда не придет! — И только ветки закачались.

Я ответно качнула головой и огляделась. И впрямь следов пребывания людей здесь не наблюдалось. Лишь птичий помет на парапете, да осыпавшиеся подсохшие цветы под ногами. От взгляда вперед у меня перехватило дыхание: с такой точки Рист я еще не видела, а уж, казалось бы, за несколько месяцев обошла весь город вдоль и поперек! Неровная подкова кобальтовой бухты